

Шик Ида Александровна, кандидат искусствоведения, младший научный сотрудник, хранитель. Государственный Эрмитаж, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. 190000. ida.shik@bk.ru

Shik, Ida Aleksandrovna, PhD in Art History, junior researcher, curator. The State Hermitage Museum, Dvortsovaia nab., 34, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation. ida.shik@bk.ru

ОБРАЗЫ ВОСТОКА В СОВЕТСКОЙ ФАРФОРОВОЙ ПЛАСТИКЕ 1930-Х ГГ.: «РУСТЕМ» Р. Н. НИКОЛАЕВОЙ И «ШОТА РУСТАВЕЛИ» Н. Я. ДАНЬКО

IMAGES OF THE ORIENT IN SOVIET PORCELAIN SCULPTURE OF THE 1930S: "RUSTEM" BY RIMMA NIKOLAEVA AND "SHOTA RUSTAVELI" BY NATALIA DANKO

Аннотация. Ориентальная и фольклорная проблематика занимали значительное место в советском художественном фарфоре 1930-х гг., что являлось как продолжением традиций, сложившихся уже в первые послереволюционные годы, так и отражало идейную направленность своего времени с его ориентацией на «Восток» и тяготением к героическому эпосу. В статье исследуется историко-культурный контекст и художественное решение скульптурной группы «Рустем» Р. Н. Николаевой и чернильницы «Шота Руставели» Н. Я. Данько на материале произведений, хранящихся в собрании ОМИФЗ ГЭ. Проведение юбилейных торжеств, посвященных Абу-л-Касиму Фирдоуси (1934) и Шота Руставели (1937), способствовало росту интереса переводчиков и исследователей к их произведениям, а также популяризации их творческого наследия и приобретению им новых социально-политических коннотаций в советской культуре. Образ героя Фирдоуси Рустема, созданный Р. Н. Николаевой, отличается сказочным, эпическим характером, стремлением подчеркнуть в его облике силу и решительность, а также вниманием скульптора к деталям костюма. Декоративную выразительность скульптуре придает роспись А. В. Воробьевского (варианты 1936 и 1937 гг.). В трактовке образа Шота Руставели Н. Я. Данько следует традиционной для советского искусства «иконографии» поэта, придавая ему, тем не менее, некоторую камерность. Художники Е. Я. Данько (1938), М. Н. Мох (1938), Е. Н. Лупанова (1941), А. В. Воробьевский (1938) в присущей каждому из них творческой манере создают росписи чернильницы «Шота Руставели», стремясь подчеркнуть романтический характер образа автора «Вепхис ткаосани».

Ключевые слова: советский фарфор; фарфоровая пластика; искусство 1930-х гг.; Восток; Н. Я. Данько; Р. Н. Николаева; А. В. Воробьевский; Шота Руставели; Абу-л-Касим Фирдоуси.

Abstract. Oriental and folklore problems occupied a significant place in Soviet porcelain sculptures of the 1930s. It was a continuation of the traditions that developed in the first post-revolutionary years. This reflected the ideological line of that time with its focus on the "Orient" and to the heroic epic. In the article, the researcher examined the historical and cultural context and artistic qualities of the sculptural group "Rustem" by Rimma Nikolaeva and the inkwell "Shota Rustaveli" by Natalia Danko, considering the pieces from the Museum of the Imperial Porcelain Factory of the State Hermitage. The jubilee celebrations dedicated to Abu-l-Qasim Firdowsi (1934) and Shota Rustaveli (1937) contributed to the growth of translation and scientific activity in relation to their works, as well as popularization of their creative heritage which acquired new social and political connotations in Soviet culture. The author underlined that in the sculptural image of Firdowsi's hero Rustem, Rimma Nikolaeva emphasized his fabulous epic character, his strength, and determination and paid special attention to the details of his costume. A. V. Vorob'evsky's painting gave decorative expression to the sculptural group (versions 1936 and 1937). The researcher accented that Natalia Danko interpreted the image of Shota Rustaveli according to the poet's "iconography" that was traditional for Soviet art. Nevertheless, she made his image more poetic and intimate. In their creative manner, artists Elena Danko (1938), Mikhail Mokh (1938), Elizaveta Lupanova (1941), Alexey Vorob'evsky (1938) made original paintings of the inkwell Shota Rustaveli, emphasizing the romantic character of the sculptural image.

Keywords: Soviet porcelain; porcelain sculpture; the art of the 1930s; the Orient; Natalia Danko; Rimma Nikolaeva; Alexey Vorob'evsky; Shota Rustaveli; Abu-l-Qasim Firdowsi.

Одной из ключевых черт советской культуры 1930-х гг. была ее ориентация на «Восток», противопоставляемый «Западу» и его системе ценностей. «Ориентализация» культуры сталинской эпохи проявилась в интересе к литературному наследию советского Востока, его изучению и визуальной репрезентации. Не менее значимым для культурного дискурса этого периода была его «фольклоризация» и тяготение к героическому эпосу [см. 1; 5].

Тема Востока — как воображаемого, так и вполне реального — была одной из ключевых для советского фарфора 1920-х — 1930-х гг., получив развитие в пластике, росписи сервизов, ваз, блюд и других форм. В ранний период развития советского фарфорового искусства интерес к образам Востока являлся органичным продолжением художественных традиций «Мира искусства» и эстетики дягилевских «Русских сезонов», которые способствовали развитию интереса к ориентальной тематике в Европе [см. 2]. Поскольку художественный фарфор Государственного

фарфорового завода активно экспонировался на международных выставках и нередко делался на экспорт, обращение к теме Востока было для него особенно актуальным. В качестве примеров можно привести цикл фигур «Бахчисарайский фонтан» (1922–1923) Н. Я. Данько, чашки с блюдами «Курильщица» (1923) и «Персидские бани» (1924), сервизы «Персидские мотивы» (1923) и «Персидский» (1924; 1929) Р.-П. О'Коннель-Михайловской, скульптуры Т. О. Давтяна «Перс в чалме» и «Перс с блюдечком» (около 1930). В конце 1920-х — 1930-х гг. в фарфоровом искусстве тема советского Востока все более отчетливо приобретает агитационно-политические коннотации. Примером могут служить роспись сервиза «Восток поднимается» (1930) М. Н. Муха, скульптура «Афганская женщина, сбрасывающая чадру» (1929) Е. Р. Трипольской, чернильный прибор «Обсуждение проекта Сталинской конституции в колхозе Узбекистана» (1936) Н. Я. Данько, роспись сервиза «СССР — Восток» (1936) Л. К. Блак, сохраняющие присущую восточному искусству изысканную орнаментальность.

Не менее значимой для советского фарфорового искусства была тема сказки [15], созвучная самому его духу, поскольку оно почти всегда творило некую идеальную, «сказочную» реальность, в которой «добро» побеждает «зло», а жизнь полна радости и изобилия. В ранний период развития советского фарфора появляются росписи тарелок «Солнце» (1918) и «Солнце и Луна» (1918), сервизов «Конек-горбунок» (1919) и «Снегурочка» (1922) А. В. Щекотиной-Потоцкой, блюда «Град-Китеж» (1921) З. В. Кобылецкой, сервиза «Руслан и Людмила» (1926) С. В. Чехонина, еще проникнутые духом культуры модерна. Примером обращения к сказочной тематике в 1930-е – 1940-е гг. могут служить росписи сервизов «Сказка о Царе Салтане» (1934) и «Иван-царевич и серый волк» (1933–1935) Т. Н. Беспаловой-Михалевой, «Сказка о рыбаке и рыбке» (1936) В. П. Фрезе, «Витязь в барсовой шкуре» А. М. Ефимовой (1940). всплеск интереса к сказочным образам предельно закономерен для «Культуры 2» с ее тягой к народному, традиционному, архетипическому и мифологическому [5]. Органичным синтезом «ориентальной» и «фольклорной» проблематики в фарфоре 1930-х гг. стали скульптурная группа «Рустем» Р. Н. Николаевой и чернильница «Шота Руставели» Н. Я. Данько.

В 1934 г. в СССР отмечался тысячелетний юбилей персидского и таджикского поэта Абу-л-Касима Фирдоуси, автора эпической поэмы «Шах-Наме» («Книга Царей»), к которому был издан перевод избранных мест поэмы М. Л. Лозинского [12], а также вышел сборник научных статей, посвященных его творчеству [11]. Как отметила Н. Ю. Чалисова, «поскольку Таджикистан вошел в семью советских республик, а на классическом персидском написана вся та литература, что является общим наследием таджиков и персов, персидская поэзия стала частью “литературы народов СССР”, а переводы великих “таджикских поэтов” — делом государственной важности» [13, с. 109–110]. Тысячелетний юбилей поэта пришелся «на переломный момент, когда давление коммунистической идеологии усиливалось с каждым днем, но еще существовал обмен книгами и статьями с европейскими коллегами и сохранялись дореволюционные академические традиции. Поэтому в юбилейных славословиях Фирдоуси уже предстал поэт, отстаивавшим в “Книге царей” интересы тружеников и прославляющим труд свободного землевладельца, но академические изыскания относительно рукописей поэмы или истории ее изучения на Западе велись на европейском уровне» [13, с. 113].

В фарфоровом искусстве к творческому наследию Фирдоуси обратилась Р. Н. Николаева, создав для Государственного фарфорового завода им. М. В. Ломоносова скульптурную группу «Рустем» (Илл. 1). Рустем — главный герой поэмы «Шах-Наме», славный своей силой, мужеством, умом и благородством. Образ Рустема, совершающего подвиги во благо своей родины, носит архетипический характер и имеет общие черты с образами русских богатырей, приобретающее особое «агитационно-политическое» значение в культуре второй половины 1930-х гг.

Римма Николаевна Николаева (1893–1937) — художник, скульптор, иллюстратор сцен иранской мифологии и эпоса. О ее жизни и творчестве известно не слишком много. Как сообщает книга «Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991)», она родилась в Нижнем Новгороде, в 1920-е гг. бывала в Ташкенте, навещая там находившуюся в ссылке поэтессу Е. И. Васильеву. В 1927 г. она познакомилась с китаеведом Юлианом Константиновичем Щуцким, который читал в Ташкенте лекции и также навещал Е. И. Васильеву. В 1935 г. Р. Н. Николаева переехала в Ленинград, продолжив общение с Ю. К. Щуцким, с которым у нее были общие интересы в области антропософии и мистицизма. Р. Н. Николаева выполняла работы для Государственного фарфорового завода им. М. В. Ломоносова и ИВ АН СССР. Судьба Р. Н. Николаевой сложилась трагически: она была арестована на квартире Ю. К. Щуцкого 7 мая 1937 г. Ее привлекли к делу «анархическо-мистической организации “Орден тамплиеров”». Она была приговорена к высшей мере наказания; приговор был приведен в исполнение 9 октября 1937 г. [4, с. 283–284].

Скульптор Р. Н. Николаева показывает персидского богатыря невысоким и коренастым, держащим под уздцы своего боевого

Илл. 1. Скульптурная группа «Рустем». Модель Р. Н. Николаевой, роспись А. В. Воробьевского. 1936. Фарфор; роспись надглазурная полихромная, позолота, серебрение, цировка. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2019. Фотограф А. В. Теребинин

коня Рахша — верного спутника, помогавшего ему в совершении подвигов. Образ героя Фирдоуси Рустема, созданный Р. Н. Николаевой, отличается сказочным, эпическим характером, стремлением подчеркнуть в его облике силу и решительность. Декоративную выразительность скульптуре придает роспись Алексея Викторовича Воробьевского (варианты 1936 и 1937 гг.), ювелирно передающая мельчайшие детали его богатого и замысловатого костюма. А. В. Воробьевский [см. подробнее: 6] — один из наиболее известных художников Государственного (Ленинградского) фарфорового завода имени М. В. Ломоносова, выработавший свой уникальный авторский стиль с присущей ему безграничностью творческой фантазии, тонкой графичностью, орнаментальностью и изысканностью колорита. Особенно близки художнику были сказочная и восточная тематика (сервиз «Русалки» (1931), чашка с блюдцем «Сказка о Царе Салтане» (1936), сервиз «Руслан и Людмила» (1938), сервиз «Аленький цветочек» (1949), чашка с блюдцем «Арабески» (1940)).

Вариант росписи скульптурной группы «Рустем» 1936 г. — наиболее яркий, жизнерадостный, с активным использованием серебрения и позолоты. Рустем облачен в золоченый кафтан, украшенный затейливым узором, надетый поверх серебряной кольчуги, синие шаровары с круглыми наколенниками, заправленные в коричневые сапоги с золотыми накладками. Руки героя защищают золоченые наручи, а голову венчает причудливый шлем с тульей в виде головы льва и разноцветными перьями. Белый конь Рустема с ярко-желтым хвостом и гривой одет не менее богато и красочно: внимание зрителя привлекают его золотой узорчатый наголовник, серебряные стремени, расписные нагрудник и накрупник. Конь опирается на фантастическое дерево с двумя перевитыми стволами с разноцветными пальмообразными листьями и круглыми желтыми плодами.

Илл. 2. Чернильница «Шота Руставели». Модель Н. Я. Данько, роспись Е. Я. Данько. 1938. Фарфор; роспись надглазурная полихромная, позолота. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2019. Фотограф Е. А. Ткачук

Вероятно, образ Рустема связан с одним из самых трагических эпизодов поэмы, в котором герой убивает в поединке своего сына Сохраба (Зораба), ведущего на войну с Ираном туранцев. Несмотря на свое глубокое горе, герой продолжает защищать родную страну. В пользу этой интерпретации говорит подпись на основании второго варианта росписи скульптуры, созданного А. В. Воробьевским в 1937 г.: «Ростем» (древний персидский богатырь./герой поэмы Фердуси./ «Ростем и Зораб». Второй вариант росписи А. В. Воробьевского — более сдержанный и «реалистичный»: Рустем облачен в синий кафтан, а его коня в яблоках украшает скромная золотая уздечка.

Чернильница «Шота Руставели» (1938) создавалась заведующей скульптурной мастерской Государственного фарфорового завода им. М. В. Ломоносова Натальей Яковлевной Данько к 750-летию грузинской эпической поэмы «Витязь в тигровой шкуре» («Витязь в барсовой шкуре»)¹. Наталья Яковлевна Данько (1892–1942) [см. подробнее: 3] — самый известный скульптор Государственного фарфорового завода им. М. В. Ломоносова, с чьим именем связана большая часть продукции скульптурной мастерской предприятия в довоенный период. В 1920-е – 1930-е гг. Н. Я. Данько создает как ряд произведений, увековечивающих образы артистов, писателей и поэтов («Балерина А. Павлова в концертном номере “Умирающий лебедь”» (1931), «Анна Ахматова» (1924), «Артист В. К. Папазян в роли Отелло» (1938), «А. М. Горький» (1938), «А. С. Пушкин на прогулке» (1936), «А. С. Пушкин за работой» (1936) и др.), так и работ на «восточную» тематику (трубка «Турок» (1920), цикл «Бахчисарайский фонтан» (1922–1923), «Игра в шашки» (1937), «Грузинка с корзиной фруктов» (1939), «Узбечка» (1939) и др.). Среди

них как бюсты, фигуры и скульптурные группы, так и сложные пластические формы (чернильницы, пепельницы, подставки для ламп и карандашей, корпуса для часов и т.д.).

24–29 декабря 1937 г. в Тбилиси состоялся юбилейный руставелевский пленум Союза Советских писателей СССР². Кроме того, в различных городах СССР проводились выставки, торжественные заседания, научные сессии, лекции, вечера, посвященные Шота Руставели, его эпохе и поэме «Вепхис ткаосани» (Заря Востока. 1937. № 296. С. 2). В контексте общего интереса к культурному наследию советского Востока грузинский поэт Шота Руставели занимал особое место, будучи непосредственным соотечественником И. В. Сталина. Известно, что Сталин «охотно цитировал афоризмы Руставели — например, такие: “Коль нашла ворона розу, мнит себя уж соловьём”, “Недруга опасней близкий, оказавшийся врагом”. <...> В обращении к делегатам юбилейного руставелиевского пленума советских писателей в Тбилиси А. Серафимович начал свою речь с того, что Грузия “родила чудеснейшего поэта, который в веках, — Шота Руставели. Товарищи! Грузия родила вождя трудящихся всего мира товарища Сталина”. После этих слов “весь зал приветствует любимого Сталина. Раздаются звуки Интернационала”. Другие выступающие следуют той же риторике. Газетные номера, освещавшие работу юбилейного пленума, публикуют на одних и тех же страницах выступления делегатов пленума о Руставели и материалы о посещении ими родины Сталина — города Гори. <...> Наконец, в последнем предновогоднем номере “Зари Востока” за 1937 год публикуется длинное приветствие Сталину <...>, написанное Георгием Цагарели стихами, воспроизводящими стилистику поэмы Шота Руставели:

В солнцеликом Тариэле, в Автандиле, полном сил,
Наш народ, круша преграды, веру в счастье воплотил.
И в години угнетенья, испытаний и обид
Руставелевская доблесть берегла его, как щит. <...>
Вождь любимый и учитель! Устремлен к грядущим дням,
Ты учил любить светила, что в пути светили нам <...>
Мы горды, что ты, любимый, верный Ленину собрат.
Был воспоен Курюю бурной и возвращен для баррикад»
[цит. по: 1, с. 119–120].

В своих выступлениях участники пленума стремились подчеркнуть, что наследие грузинского поэта Шота Руставели стало наследием народов СССР благодаря деятельности Сталина. Газета «Заря Востока» (1937. № 296) приводит слова Л. П. Берии, лидера большевиков Грузии: «только в условиях сталинской дружбы стало возможным то тесное культурное общение народов СССР, когда величайшие памятники культуры отдельных народов становятся достоянием всего советского народа, когда к празднованию 750-летия бессмертной поэмы Руставели с одинаковой любовью готовятся в различных республиках, краях и областях Советского союза». Следует, однако, отметить, что славословия в адрес Сталина были в целом типичны для эпохи «культуры личности» 1930-х гг. и ситуация с Руставели не является здесь уникальной.

В 1930-е гг. издаются новые переводы «Вепхис ткаосани»: Константина Бальмонта (1936) [7], Георгия Цагарели (1937) [8], Пантелеймона Петренко при участии Константина Чичинадзе (1938) [9]. Переводы «гениальной поэмы бессмертного грузинского поэта Шота Руставели “Витязь в тигровой шкуре”» (Павленко П. Шота Руставели // Заря Востока. 1937. № 294. С. 3) или отрывков из нее были выполнены также на другие языки народов СССР: украинский, азербайджанский, армянский, узбекский, белорусский, башкирский, татарский, чувашский, абхазский (Заря Востока. 1937. № 298. С. 1; № 301. С. 1). В 1938 г. Александр Чачиков написал «Поэму о Руставели», в которой воспел его личность и творческое наследие, подчеркнув его значение для современности:

Шота! Поэта ль это имя?
Поэзию так назовем;
Устами робкими своими
Твоих созвучий водоем
Через столетье жадно пьем!
Позволь же мне, стихом мерцаая,
Тебе поэму посвятить.
На той земле, земле без края,

Илл. 3. Чернильница «Шота Руставели». Модель Н. Я. Данько, роспись М. Н. Моха. 1938. Фарфор; роспись надглазурная полихромная, позолота, цирровка. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2019. Фотограф Д. В. Сироткин

Илл. 4. Чернильница «Шота Руставели». Модель Н. Я. Данько, роспись М. Н. Моха. 1938. Фарфор; роспись надглазурная полихромная, позолота. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2019. Фотограф Д. В. Сироткин

Тебя умеют славно чтить, —
Где из героев величайший,
Дружа с победою одной,
Любимый Сталин — наше счастье —
Весь перестроит шар земной! [14, с. 6]

В 1939 г. вышел сборник статей «Шота Руставели и его время», рассматривающий различные аспекты биографии и творчества поэта [15]. Кроме того, в 1937–1938 гг. Руставели был посвящен ряд публицистических статей в советских изданиях [1, с. 296–297]. В советской периодике, выступлениях участников юбилейного пленума и исследованиях 1930-х гг. поэма Руставели получила крайне высокую оценку. «Предвосхищая достижения советской литературы, поэма Руставели обнаруживала и свет реализма во тьме средневекового мракобесия, и такие поэтические достоинства, которые позволяли оценивать ее выше поэм Гомера, Данте и Гёте. Выступавший на юбилейном пленуме Правления Союза СП СССР в Тбилиси Петр Павленко объявил поэму Руставели “первым реалистическим произведением средних веков”, на столетие с лишним опередившим “надежды и чаяния поэтов раннего итальянского гуманизма” и превзошедшим их “здоровым реализмом, свободным от подчиненности церковной мистике”. <...>. Руставели, как могли прочитать читатели газет, освещавших юбилейные дни, был опередившим свое время поэтом-атеистом, “поэму истребляли, жгли на кострах, запрещали читать. Но грузинский народ сохранил творение своего гениального поэта <...>. Но никому Руставели не может быть так дорог и близок, как народам Советского союза”. Достоинства поэмы и ее автора кажутся в конечном счете всеобъемлющими — в их ряду найдется место и ссылке на народное предание, приписывающее Шота Руставели составление нового грузинского алфавита и изобретение типографского станка, и рассуждение об эмансипированном положении женщины в поэме, и признание рядового читателя — слесаря завода — в том, что “поэма близка и понятна”, “хотя лица, описываемые в ней, отделены от нас столетиями”» [1, с. 120–121].

В изобразительном искусстве 1930-х гг. образы Шота Руставели и его героев также нашли свое воплощение. 29 декабря 1937 г. в Государственном музее Грузии открылась выставка «Шота Руставели и его эпоха». Л. Маруашвили в статье «Гений и эпоха» отмечал, что «портреты и бюсты автора “Вепхис ткаосани” великого поэта грузинского народа Шота Руставели составляют целый отдел выставки. Они относятся к различным эпохам. Многие художники пробовали свой талант на этой благодарной теме. Портреты Шота рисовали замечательный художник-самоучка Нико Пиросманишвили, неизвестные ху-

Илл. 5. Чернильница «Шота Руставели». Модель Н. Я. Данько, роспись Е. Н. Лупановой. 1941. Фарфор; роспись подглазурная кобальтом, роспись надглазурная полихромная, позолота. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2019. Фотограф Д. В. Сироткин

дожники старого времени. Из художников советской Грузии над портретами и бюстами Руставели работали С. Кобуладзе, Т. Абакелия, И. Тоидзе, Л. Гудиашвили, Ш. Кикиадзе, К. Санадзе, У. Джаларидзе, Габошвили, Мерабишвили, Л. Николадзе, Тапуридзе и др. <...>. Особо надо отметить два ковра с портретом Руставели, любовно исполненные Наги Ибрагим-заде и артелью «Кармир халича» под руководством Симоняна. Кроме портретов и бюстов, на выставке фигурируют художественные макеты памятника Руставели по проектам Мерабишвили, Топуридзе и Тавадзе» (Заря Востока. 1937. № 300. Иллюстрированное приложение). В 1938 г. были выпущена бронзовая плакетка «750 лет эпосу Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и почтовая марка с портретом великого грузинского поэта. Из иллюстраций к поэме «Витязь в тигровой шкуре» можно отметить работы Т. Абакелия [8] и С. Кобуладзе [9], пронизанные романтическим пафосом и экспрессией.

В трактовке скульптором Н. Я. Данько сидящий под деревом и творящий свой эпос Руставели кажется похожим на «восточного сказочника» [16, с. 20]. Внешний облик и костюм Руставели, созданный Н. Я. Данько, можно считать «классическим» для его иконографии в советском искусстве. «Портрет» Руставели находит параллели в его изображениях, созданных

Илл. 6. Чернильница «Шота Руставели». Модель Н. Я. Данько, роспись Е. Н. Лупановой. 1941. Фарфор; роспись подглазурная кобальтом, роспись надглазурная полихромная, позолота, серебрение. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2019. Фотограф Д. В. Сироткин

Т. Абакелия, С. Кобуладзе, И. Тоидзе, У. Джапаридзе, А. Чхаридзе, Я. Николадзе. В то же время в интерпретации Н. Я. Данько образ поэта отличается спокойной сосредоточенностью и определенной камерностью, органичной для фарфоровой пластики. Оригинальные варианты росписи чернильницы предложили художники Государственного фарфорового завода им. М. В. Ломоносова Елена Яковлевна Данько, Михаил Николаевич Мох, Елизавета Николаевна Лупанова, Алексей Викторович Воробьевский³.

В росписи чернильницы, созданной сестрой скульптора, писательницей и историографом завода Е. Я. Данько (Илл. 2), поверхность одежд Руставели и ковер, на котором сидит поэт, заполнены тончайшим орнаментом. Окружающий его пейзаж, напротив, расписан более обобщенными и широкими мазками, цвета которых, сливаясь, создают единое гармоничное целое. Колористическое решение росписи строится на сочетании оттенков синего, голубого, зеленого, розового и светло-коричневого цветов. На подножии чернильницы золотом написано имя поэта на грузинском языке, а в открытой книге — название его поэмы. Название поэмы на грузинском языке будет присутствовать и в росписях чернильницы, созданных М. Н. Мохом и Е. Н. Лупановой.

Илл. 7. Чернильница «Шота Руставели». Модель Н. Я. Данько, роспись Е. Н. Лупановой. 1941. Фарфор; роспись подглазурная кобальтом, роспись надглазурная полихромная, позолота. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2019. Фотограф Д. В. Сироткин

Два варианта росписи чернильницы предложил «восточный волшебник» М. Н. Мох [16, с. 20], который в своем творчестве активно обращался к культурному наследию Востока в 1930-е – 1940-е гг. (сервизы «Восточные кустари» (1932), «Бахчисарайский фонтан», 1936 и др.). Первый вариант росписи (Илл. 3) достаточно лаконичен: художник расписывает поверхность одежд, подножие и часть окружающего пейзажа оттенками розового, сиреневого, голубого и зеленого цветов с дополнением золотом. Орнаментальные мотивы в росписи ограничиваются цитированным узором на ковре, на котором сидит поэт, и небольшими цветами на его одеждах. Во втором варианте росписи (Илл. 4) художник оставляет нерасписанной еще большую часть чернильницы, строя ее колористическое решение на сочетании белого, зеленого, золотого и черного цветов. Одежды поэта, ковер, подножие декорированы несложным орнаментом, в котором преобладают цветы и спирали.

Еще три варианта росписи чернильницы 1941 г. принадлежат Е. Н. Лупановой — художнице, специализировавшейся на росписи фарфоровой пластики в 1930-е – 1960-е гг. (работы Т. С. Кучкиной, Н. Я. Данько, Е. А. Гендельман, И. Л. Слонима, Г. С. Столбовой, С. Б. Велиховой и др.). Росписи Е. Н. Лупановой отличает яркий насыщенный колорит с активным использованием подглазурного кобальта при создании растительных и геометрических орнаментов,

Илл. 8. Чернильница «Шота Руставели». Модель Н. Я. Данько, роспись А. В. Воробьевского. 1938. Фарфор; роспись надглазурная полихромная, позолота, цирковка. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2019. Фотограф Д. В. Сироткин

украшающих скульптуру. В первом варианте росписи (Илл. 5) поэт облачен в плащ, декорированный крупными кобальтовыми цветами, оранжевую рубашку, бледно-лиловые шаровары, голубую шапку и подпоясан пурпурно-зеленым поясом. Сине-зеленый ковер под ногами Руставели украшен крупным геометрическим орнаментом. Художник расписывает пейзажные элементы нежными розовым, зеленым, желтым, голубым, сиреневым, светло-коричневым цветами, оставляя большую часть подножия белым, что уравнивает выразительную полихромную чернильницы. Второй вариант росписи чернильницы (Илл. 6) близок первому по своему композиционному решению, однако главным колористическим акцентом здесь является контраст пурпурных шаровар поэта с его темно-синим плащом, декорированным растительно-геометрическим орнаментом. Основные цвета росписи — синий, голубой, зеленый, желтый, красно-оранжевый, пурпурный, золотой. В третьем варианте росписи Е. Н. Лупанова играет на контрасте подглазурного кобальта и оранжевого цветочного орнамента, украшающего плащ поэта. Однако подножие на этот раз декорировано крупным растительно-геометрическим орнаментом, придающим ему сходство с восточным ковром. Колорит росписи отличается яркостью и выразительностью: художник использует синий, голубой, зеленый, оранжевый, желтый, розовый, золотой цвета.

Один из наиболее выразительных, насыщенных орнаментальными мотивами вариантов росписи создал А. В. Воробьевский (Илл. 8). Можно отметить определенную близость орнаментов в росписи «Рустема» и «Шота Руставели», однако Воробьевский не повторяет их полностью, каждый раз поражая зрителя своим мастерством и неиссякаемой творческой фан-

тазией. Мастер заполняет сложными орнаментальными мотивами, похожими на восточные арабески, почти все подножие и ковер под ногами поэта. Его плащ украшают более крупные орнаменты из цветов и кругов. Остальная часть одежды поэта и окружающий пейзаж, напротив, расписаны более широкими цветовыми плоскостями (за исключением дерева с птицами, декорированного пуантелью), а боковые грани подножия украшены растительными мотивами. Колористическое решение чернильницы отличается предельной изысканностью, демонстрирующей виртуозное умение А. В. Воробьевского гармонично сочетать самые разнообразные цвета: в нем преобладают синий, бирюзовый, зеленый, сиреневый, розовый, красный, коричневый, золотой. В отличие от остальных художников, Воробьевский полностью заполняет затейливым шрифтом рукопись книги поэта и декорирует ее виньетками.

Итак, каждый из художников Государственного фарфорового завода им. М. В. Ломоносова в присущей ему творческой манере создает роспись чернильницы «Шота Руставели», стремясь подчеркнуть романтический характер образа автора «Вепхисткаосани». Росписи Е. Я. Данько и М. Н. Моха отличаются лаконичностью и нежностью колорита, Е. Н. Лупановой — выразительными цветовыми контрастами и крупными орнаментами. Роспись А. В. Воробьевского характеризуется богатством орнаментальных мотивов и изысканным колоритом.

К образу Шота Руставели в фарфоровом искусстве в 1949 г. обратилась скульптор Дулевского фарфорового завода им. газеты «Правда» А. Д. Бржезицкая, создав его бюст и сидящую фигуру. Скульптура «Шота Руставели» была подарена автором И. В. Сталину в честь 70-летия со дня рождения (экземпляр,

хранящийся в Государственном центральном музее современной истории России) [10, с. 33]. Поэма «Вепхис ткаосани» стала источником вдохновения для П. В. Леонова (сервиз «Витязь в тигровой шкуре», созданный по рисунку 1937–1940 гг.) и А. М. Ефимовой (сервиз «Витязь в барсовой шкуре», 1940).

В советской культуре 1930-х гг. восточные поэты Абу-л-Касим Фирдоуси и Шота Руставели, как и герои их произведений, приобретали новые политические коннотации. Тем не менее, советские переводчики и исследователи 1930-х гг. внесли значительный вклад в изучение и популяризацию творческого наследия поэтов, а скульпторы и художники создали неповторимые образы, покоряющие современного зрителя своей эсте-

тической выразительностью и мастерством исполнения. Образы «Рустема» Р. Н. Николаевой и «Шота Руставели» Н. Я. Данько продолжают лучшие традиции советского фарфора в области развития ориентальной и фольклорной проблематики. Оба скульптора придают своим героям сказочный, романтический характер, сохраняя в их трактовке определенную камерность, органичную для фарфоровой пластики. Художники, расписывавшие скульптуры, каждый в своей манере стремятся подчеркнуть особенности их пластического решения. Росписи отличаются эффектною и выразительною колористического решения, а также интересом к характерным для восточного искусства орнаментальным мотивам.

Примечания:

¹ Следует отметить, что 750-летний юбилей поэмы являлся несколько условной датой, так как точные даты жизни поэта и написания произведения неизвестны. При этом «в статьях о Руставели, заполнивших собой газетные страницы 1937–1938 годов, юбилей связывается и с днем рождения поэта, и с годовщиной его поэмы» [1, с. 119; с. 296–297].

² Подробно работа юбилейного пленума и другие торжественные мероприятия, посвященные Шота Руставели и его поэме, были освещены на страницах газеты «Заря Востока» (1937. № 294–301).

³ В статье рассматриваются варианты росписей чернильниц, хранящихся в собрании ОМИФЗ ГЭ.

Список литературы:

1. Богданов К. А. *Vox populi*: Фольклорные жанры советской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 368 с.
2. Иванова А. В. и др. Эхо Русских сезонов: каталог выставки. СПб.: Изд. Гос. Эрмитажа, 2009. 176 с.
3. Левшенков В. В. Творчество сестер Данько. СПб.: Издательская группа «Санкт-Петербург Оркестр», 2012. 500 с.
4. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подгот. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с.
5. Паперный В. З. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 408 с.
6. Петрова Н. С., Кумзерова Т. В. Огни карнавала: каталог выставки. СПб.: Изд. Гос. Эрмитажа, 2006. 144 с.
7. Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре: Поэма / Пер. К. Бальмонта. М.: Academia, 1936. 291 с.
8. Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре / Пер. Г. Цагарели, под ред. Вл. Эльсинера. М.: Гослитиздат, 1937. 296 с.
9. Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре / Пер. П. Петренко при участ. и под ред. К. Чичинадзе; отв. ред. И. Орбели. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938. 287 с.
10. Сафонова М. А. Музей дулевского фарфора. Том I. Скульпторы. М., 2019. 320 с.
11. Фердовски (1934–1934). Сборник ИВ АН СССР и Государственного Эрмитажа. Л., 1934.
12. Фирдоуси. Книга царей Шахнаме (Избранные места) / Пер. М. Л. Лозинского, под ред., с коммент. и ст. Ф. А. Розенберга. М. – Л.: Academia, 1934.
13. Чалисова Н. Ю. Абу-л-Касим Фирдоуси в русских переводах: стратегии рецепции // Россия — Иран: диалог культур: Международная научная конференция, 8 апреля 2016 года. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 109–116.
14. Чачиков А. М. Поэма о Руставели. Тб.: Заря Востока, 1938. 52 с.
15. Шота Руставели и его время: Сборник статей. М.: Гослитиздат, 1939. 280 с.
16. Щетинина Н. А. и др. В некотором царстве...: каталог выставки. СПб.: Изд. Гос. Эрмитажа, 2015. 296 с.

References:

- Bogdanov K. A. *Vox populi: Fol'klorny'e zhanry sovetskoi kul'tury (Vox populi: Folklore Genres of Soviet Culture)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 368 p. (in Russian)
- Chaliso N. Yu. Abu-l-Kasim Firdousi v russkikh perevodakh: strategii retseptsi (Abu-l-Qasim Firdowsi in Russian Translation: Strategies of Reception). *Rossia — Iran: dialog kul'tur (Russia — Iran: Dialog of Cultures)*. Saint Petersburg, Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences Publ., 2017, pp. 109–116. (in Russian)
- Ferdovski (1934–1934). *Sbornik IV AN SSSR i Gosudarstvennogo E'rmitazha (Firdovsi (1934– 1934). Collection of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR and the State Hermitage)*. Leningrad, 1934. (in Russian)
- Ingrok P. and others. *Shota Rustaveli i ego vremia: Sbornik statei (Shota Rustaveli and His Epoch: Collection of Articles)*. Moscow, Goslitizdat Publ., 1939. 280 p. (in Russian)
- Ivanova A. V. and others. *E'kho Russkikh sezonov: katalog vy'stavki (Echo of Russian Seasons: Exhibition Catalog)*. Saint Petersburg, The State Hermitage museum Publ., 2009. 176 p. (in Russian)
- Levshenkov V. V. *Tvorchestvo sester Dan'ko (Art of the Sisters Danko)*. Saint Petersburg, Sankt-Peterburg Orkestr Publ., 2012. 500 p. (in Russian)
- Paperny V. Z. *Kul'tura Dva (Culture 2)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 408 p.
- Petrova N. S.; Kumzerova T. V. *Ogni karnavala: katalog vy'stavki (Carnival Lights: Exhibition Catalog)*. Saint Petersburg, The State Hermitage Museum Publ., 2006. 144 p. (in Russian)
- Safonova M. A. *Muzei dulevskogo farfora (Dulevo Porcelain Museum). Vol 1. Skul'ptory' (Sculptors)*. Moscow, 2019. 320 p. (in Russian)
- Shchetinina N. A. and others. *V nekotomom tsarstve...: katalog vy'stavki (In Some Kingdom...: Exhibition Catalog)*. Saint Petersburg, The State Hermitage Museum Publ., 2015. 296 p. (in Russian)
- Vasilkov Ia. V.; Sorokina M. Yu. (ed.). *Liudi i sud'by. Biobibliograficheskii slovar' vostokovedov — zherty politicheskogo terrora v sovetskii period (1917–1991) (People and Lives. Biobibliographic Dictionary of Orientalists — Victims of Political Terror in the Soviet Period (1917–1991))*. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2003. 496 p. (in Russian)